

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ТЕНДЕНЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Андрей Юрьевич Швая

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Швая А.Ю. (2020) Тенденции в трансформации российских элит: новые подходы и интерпретации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(5): 225–238. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.9>

В Санкт-Петербурге 24–26 октября 2019 г. прошел Восемнадцатый всероссийский семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», организованный Социологическим институтом РАН при участии Российской ассоциации политической науки. Представленные доклады были обращены как к общим темам в исследовании элит (вопросам рекрутирования, отношениям между федеральными и региональными властными группами, властным диспозициям местных элит и др.), так и к более специфическим проблемам, слабо встроенным в устоявшийся круг вопросов современной российской элитологии. Исходя из этого доклады были упорядочены в следующей логике: в первый блок помещены выступления, относящиеся преимущественно ко второй из указанных категорий и представляющие скорее дискурсивное измерение элит; к следующей группе докладов отнесены исследования, обращенные тоже к слабо разработанной теме лидерства, приводящей к дискуссии о ключевых концептах; в третий блок попали доклады, объединенные общей проблематикой отношений федеральной и региональных властных групп, а также те, которые раскрывают новые закономерности структурирования и перспективы рассмотрения региональной элиты; в завершении выделяются исследования агентов перераспределения власти (в основном на уровне локальных элит). Таким образом, можно заметить, что доклады, представленные на научном семинаре, структурируются как по принципу новизны интерпретации, так и в соответствии с выделяемыми в них тенденциями.

Принципы легитимация элит. Политизация смыслов и дискурсов

Одной из отличительных черт Восемнадцатого научного семинара оказалась широкая представленность в докладах участников темы символических и дискурсивных репрезентаций элиты. Более того, можно утверждать, что проведенные исследования, как теоретические, так и эмпирические, представляют собой отдельный подход к изучению элит. Так, *Константин Федорович Завершинский* (СПбГУ) обозначает в качестве предмета исследования процессы легитимации и делегитимации политических элит. Одной из перспектив изучения этой области, по словам докладчика, является семантика сакрального и профанного, которая присутствует в символических репрезентациях властных групп. Само это различие возникло в социологии религии в связи с выделением и осмыслением политических форм религиозности. В этой связи оно может быть использовано и для изучения элиты, которая рассматривается как легитимирующая символический порядок инстанция. Исходя из этого утверждения докладчик высказывает тезис о том, что практики сакрализации и профанации осуществляются представителями властной элиты через «драматический политический спектакль», встраивающий их репрезентации в логику мифа. Таким образом, выделение представленных через миф «символических фигур» дает возможности для более глубокого анализа легитимации и делегитимации политической элиты.

Такой подход предлагает слабо разработанную перспективу изучения политической элиты, что заметно и по реакции, последовавшей за докладом. Так, А. В. Дука, опираясь на работу Р. Барта «Война языков», отметил, что элиты могут использовать также «приниженную» лексику в легитимации власти. Здесь можно уточнить, что семантика сакрального и профанного опосредована политическим спектаклем, в котором эти смыслы конструируются, а потому «приниженная» лексика вполне может быть использована в сакрализации тех или иных персон, событий, мест.

Вместе с тем одним из наиболее востребованных ресурсов в легитимации политических элит является прошлое. В этом отношении интересен доклад *Николая Ивановича Карбаинова* (Социологический институт РАН), посвященный политике памяти, которую проводит властная элита Республики Татарстан. Докладчик указывает на существование конфликта по поводу интерпретации прошлого между казанцами, выдвигающими период Волжской Булгарии, тесно связанный с исламом, и татарами, отстаивающими значимость эпохи Золотой Орды. При этом первый проект оказы-

вается более подходящим для общероссийской легитимационной модели. Тем не менее эти «войны памяти» не являются массовым феноменом. По результатам проведенного опроса, исследователь делает вывод, что жители региона идентифицируют себя в большей степени с событиями XX в., чем с периодом Волжской Булгарии или Золотой Орды, несмотря на проводимый властной элитой курс на «булгаризацию». В то же время период Волжской Булгарии многие респонденты назвали наиболее интересной исторической эпохой.

Исследование символической политики правящей элиты, в свою очередь, подразумевает изучение конкретных символических репрезентаций и дискурса властных групп. Помимо анализа текстов, большое значение имеет анализ визуальных репрезентаций, составляющих существенную часть политического дискурса. Обращаясь к наиболее институционализированному сегменту визуальных репрезентаций властных элит, предвыборным афишам, Андрей Юрьевич Швая (Социологический институт РАН) на примере французских президентских выборов пытается выделить структурные закономерности в вариативности визуальных репрезентаций кандидатов. Так, используя метод «иконографического анализа» Э. Паннофски, удается обнаружить три основных визуальных паттерна: первый, характерный для правоцентристских кандидатов, второй, включающий в основном репрезентации левых, и третий, охватывающий афиши кандидатов от «зеленых» политических движений и партий. Далее докладчиком выделяются маргинальные репрезентации (особенно относящиеся ко второму туру выборов), которые лишь частично описываются одним из указанных паттернов. Прослеживается динамика таких репрезентаций и вариативность их связи с визуальными паттернами, что в итоге позволяет определить диапазон допустимых вариаций предвыборных репрезентаций кандидатов в президенты Франции.

В отличие от предыдущих докладчиков, Алла Владимировна Корниенко (Социологический институт РАН) обращает внимание на лингвистические особенности российского политического дискурса. Выделяя социальную сеть «Фейсбук» в качестве площадки «непрямого диалога сетевого сообщества с властью», докладчик использует материалы проводимого внутри самой социальной сети подсчета распротраненных языковых единиц. Проведя анализ наиболее востребованных из них, исследователь обнаруживает несколько дискурсивных практик: паронимическую аттракцию, контаминацию, прием обманутого ожидания, обыгрывание устойчивых словосочетаний, оксюморон и пр. Интерпретируя результаты проведенного анализа, исследователь отмечает, что для большинства дискурсивных практик, являющихся реакцией на высказывания представите-

лей властной элиты, характерны высокая политизированность, насмешка, что свидетельствует о политико-идеологическом расколе в российском обществе.

Проблематизация российского политического дискурса становится отправной точкой и для *Виктора Павловича Мохова* (Пермский национальный исследовательский политехнический университет), при этом в своем докладе он обращает внимание уже на высказывания самой властной элиты. За этими высказываниями, по словам исследователя, стоят две устойчивые когнитивные модели, находящиеся в конфликте друг с другом, что способствует общественному резонансу по поводу их высказывания. Конфликт между «индустриальной» (ориентированной на национальные интересы) и «постиндустриальной» (на глобальный рынок) моделями, поддерживаемый глобализацией и незавершенной институционализацией российской элиты, свидетельствует как о несформированности этоса правящего слоя, так и о «неготовности элит к работе в обществе “по правилам”».

Тема конфликта «глобальных» и «национальных» ориентаций внутри российских властных групп встречается и в более ранних докладах В.П. Мохова. Однако выделение такого комплексного функционала современной российской элиты влечет за собой проблематизацию ее нынешнего социального устройства в отличие от предыдущих форм. Иными словами, согласно разделяемой В.П. Моховым и другими исследователями парадигме, приводит к проблематизации самой «элиты» как отдельной «исторической модификации» групп доминирования, возникшей в Новое время [Региональные элиты России: проблемы, подходы, гипотезы 1999: 48–49; Дука 2009: 143–144; Афанасьев 2000: 273–274; Мохов 2002; 2007; Parry 1969: 17–18; Field, Higley 1980: 21–22].

Еще одной стороной проблемы разрыва между системой представлений элиты и не-элиты является, по мнению *Владимира Львовича Римского* (Фонд ИНДЭМ), дефицит справедливости. Согласно результатам проведенного исследования, граждане обеспокоены низким уровнем справедливости в принимаемых политико-административной элитой решениях, однако сами в силу своей невовлеченности в этот процесс называют справедливыми решения, отвечающие зачастую лишь их собственным интересам. Опираясь на эти данные, докладчик утверждает, что граждане ожидают справедливости от государства и его представителей, в то время как сами чиновники воспринимают граждан как помеху в принятии эффективных решений. Особую роль в поддержании системы представлений последних играют эксперты, становящиеся также все более отчужденными от широких слоев населения.

Ограничение лидерства и деполитизация властных отношений. Переход к проблематизации ключевых категорий

Рассмотрение элиты через ее дискурсивные практики представляется довольно перспективным направлением в исследовании властных групп. Однако, обобщая представленные здесь доклады, можно утверждать, что наиболее глубокие теоретические проблемы обнаруживаются благодаря рассмотрению социально-структурных характеристик российской элиты. Одной из наиболее релевантных тем в этом отношении является лидерство. Так, Алла Евгеньевна Чирикова (Институт социологии РАН) обращается к изучению мотивации и лидерства представителей местной элиты, отмечая высокий уровень недоверия, которое сложилось в отношениях между главами малых городов и региональной администрацией. На основе глубинных интервью, проведенных в пяти малых городах России, докладчику удастся выявить две основные мотивации: одобрение губернатора как фигуры, перед которой глава города несет персональную ответственность, и желание «помочь своему городу и населению», характерное для глав, укоренных в этом городе. При этом в современной местной элите имеет место дефицит лидерства, ставший следствием исполнительской парадигмы отношений региональных и городских властных групп. Опираясь на результаты исследования, докладчик утверждает, что данная модель исчерпала себя. Лидерство же признается главами городов необходимым качеством, позволяющим более эффективно артикулировать, согласовывать и продвигать интересы участников внутригородских властных отношений.

В ином масштабе и при этом более абстрактно проблему лидерства разбирает Александр Иванович Соловьев (МГУ). В своем докладе он отмечает устойчивость нынешней властной элиты перед воздействием «новых гражданских лидеров». По его словам, политико-административные решения принимаются не столько централизованно, сколько через посредство «сетевых коалиций» правящей элиты. Наличие среди рассредоточенных властных акторов неудовлетворенных своим положением способствует внесению дисбаланса в оппозиционное движение через выборочное использование этими акторами гражданских лидеров для улучшения собственных позиций. Докладчик также отмечает, что в силу своей децентрализованности «сетевые коалиции» правящей элиты могут парадоксальным образом углублять гражданский раскол и при этом сохранять собственное положение. В этом смысле воспроизводимость властных групп допускает временную активность «новых лидеров» в публичном пространстве без их включения в новую сборку правящей элиты.

В дальнейшем обсуждение доклада перешло в дискуссию, в рамках которой проблематизировалась деполитизация публичного пространства. Ослабление лидеров согласно модели, предложенной А.И. Соловьевым, не элиминирует политику в целом, но переводит ее в непубличную область. С этой позицией спорит А.В. Дука, отстаивая компонент «публичного» в определении «политического». По его мнению, политическое действие требует субъекта, обладающего институциональной автономией, которая приводит к взаимосвязи его собственного интереса и коллективного государственного (или общественного) интереса, а также ко взаимозависимости его политических решений и последующей легитимации. У А.И. Соловьева с этой правящей элитой, включающей некоторых лиц, принимающих решения, которые облечены официальной властью, «переплетаются» сетевые коалиции, влияющие, а порой и определяющие ее решения [Соловьев 2019: 23–24]. Последние при этом являются мобильными и не имеют того стабильного статуса, о котором как о необходимом условии политического говорил А.В. Дука. Вместе с тем А.И. Соловьев отмечает наличие определенного неформального «зонирования процесса принятия решений», подразумевающего выделение «особых пространств» [Соловьев 2019: 25]. Петербургский исследователь соглашается с тем, что «неформальное пространство становится реально-политическим». Однако он связывает это не с переносом центра принятия решений в нелегальное поле, а с настройкой работы государственных институтов в соответствии с интересами правящей элиты [Дука 2019: 50]. Благодаря этому становится возможным произвол элит, публично учреждающий вместе с тем их властный статус. Таким образом, «политическое» остается связанным с официальными властными структурами и легитимацией их деятельности. Позиция А.И. Соловьева в этой связи выглядит принципиально иной. Согласно его утверждению, легитимация — это скорее прикрытие властных акторов [Соловьев 2019: 27]. Гораздо важнее их целеполагание, обращенное к защите собственных интересов членов «сетевых коалиций» и аффилированных с ним общественных объединений. Как можно заключить, для А.И. Соловьева определяющими «политическое» категориями являются «целеполагание» субъектов власти и получаемые ими «блага».

Данная дискуссия об определении «политического» представляется крайне важной для современного российского элитологического знания, поскольку данный вопрос влечет за собой проблематизацию самих оснований этого знания. Однако обратим внимание еще на один важный концепт в элитологии — «власть». Валерий Георгиевич Ледяев (НИУ ВШЭ) диагностирует, опираясь на современную теоретическую литературу, его много-

значность и неоперациональность. Одной из фундаментальных позиций, которую докладчик обнаруживает в большинстве дискуссий по поводу определения концепта, является различие «власти над» и «власти для». В некоторых работах они интерпретируются как власть доминирования и согласованная власть. Сложность в объединении этих двух аналитически различимых аспектов власти — центральная проблема для большинства исследователей данной темы. Так, Э. Аллен пытается синтезировать два значения «власти», в то время как М. Хоггард предлагает рассматривать «власть» в качестве зонтичного термина, который включает в себя «семью» концепций, не складывающихся в единое смысловое «ядро». Тем не менее определение Аллен оказывается слишком широким, в то время как подход Хоггарда допускает противоречивость внутри «семьи» понятий власти. Такая концептуальная неопределенность позволяет докладчику сделать вывод о том, что понятие власти становится многомерным, включает внутреннюю противоречивость и требует большего уклона в сторону эмпирического исследования форм социальной власти.

Усиление федеральной власти и появление новых властных структур в региональной элите

Ограничения, возникающие перед лидерами внутри правящей элиты и перед «новыми лидерами» в публичном пространстве, можно интерпретировать как один из аспектов процесса деполитизации. Другой его стороной можно назвать усиление административных властных структур федерального центра. Параллельными же процессами в масштабах региональной элиты, судя по представленным докладам, являются плутократизация групп доминирования, а также появление прецедентов передачи экономического, политического и других форм капитала «по наследству» или по признаку родства.

Говоря о значении управленческих структур федерального центра, наиболее интересным представляется доклад *Дениса Борисовича Тева* (Социологический институт РАН). Рассматривая каналы рекрутирования и карьерные траектории высокопоставленных чиновников из Администрации Президента РФ за все время существования данного органа, исследователь обнаруживает, что должности в правительстве РФ и администрации президента нередко выступают трамплином друг для друга. Этот факт, по мнению докладчика, приводит к интеграции и стабилизации федеральной властной элиты в целом. В ходе рассмотрения темпоральной изменчивости данных процессов были также зафиксированы две следующих тенденции: уменьшение роли интеллигенции в администрации президента, начиная со второго срока Б. Ельцина, и увеличение присут-

ствия представителей силовых структур (в том числе прокуратуры). В заключение исследователь указывает на периферийную роль федерального парламента, руководство которого также рекрутируется из состава президентской бюрократии и федерального правительства.

Иной акцент в своем докладе делает *Дмитрий Валерьевич Покатов* (СГУ им. Н.Г. Чернышевского). На примере политических элит трех российских регионов (Самарская, Саратовская и Волгоградская области) исследователь рассматривает их карьерные траектории через типологию, выделяющую «профессионально-личностный», «административный», «командный», «неспециализированный» типы. Прослеживая динамику вариаций этих типов, докладчик выделяет три основных этапа рекрутирования российской политической элиты, от более свободного к более контролируемому: 1) «формально-свободной циркуляции» (1991–2000); 2) «регулируемой ротации» (2001–2011); 3) «корпоративно-персонократической стабилизации» (2011 — н. в.).

Более детально на примере глав субъектов РФ описывает закономерности рекрутирования *Артём Михайлович Флягин* (Социологический институт РАН). Посредством анализа биографий губернаторов и глав национальных республик за период с 1991 по 2019 г. докладчик выделяет несколько заметных тенденций. Во-первых, увеличивается число глав, пришедших из других регионов, чаще всего из Москвы и Санкт-Петербурга, в то время как число выходцев из «родного» региона, особенно из сельской местности, уменьшается. Во-вторых, в меньшей степени, чем в советское время, на данной должности представлены женщины. В-третьих, растет число глав регионов с гуманитарным первым высшим образованием, а вместе с тем становится больше тех, кто получил научную степень во время работы на государственной службе. Эти изменения позволяют докладчику сделать выводы о воспроизводстве советских региональных элит, плутократизации региональных властных групп, а также об изменении институционального дизайна отношений «центр — регионы» в пользу большего влияния центра.

Особый интерес в контексте усиления федеральной власти в субъектах РФ представляет Республика Крым, элита которой, в отличие от властных групп других регионов, находится в состоянии формирования и встраивания в российскую институциональную систему. Результаты изучения этой интеграции в своем докладе представил *Андрей Алексеевич Зоткин* (Таврическая академия КФУ им. Вернадского). Так, в исполнительной власти региона за пять лет пребывания в составе РФ произошла интенсивная смена и ротация управленческих кадров разного уровня, что привело к состоянию «кадрового голода». В свою очередь, в государствен-

ном совете республики на последних выборах большую часть (60 из 75) получили кандидаты из партии «Единая Россия», поскольку показали себя наиболее организованной политической силой. Тем не менее отсутствие альтернативных кандидатов во многих избирательных округах и ненастроенная коммуникация с населением привели к низкой явке в 33 %. Наконец, наряду с рассмотренными проблемами институционального обновления властной элиты региона, существует проблема консолидации этнической элиты крымских татар. Так, по словам докладчика, в связи с расколом внутри представителей этнической группы имеет место тенденция «политического эскапизма» крымских татар.

В более выпуклом виде усиление роли федерального центра обнаруживается в формировании состава административной элиты Севастополя. Проведенный *Аллой Сергеевной Быстровой* (Социологический институт РАН) анализ биографий и карьер членов трех правительств (с их промежуточными трансформациями) города федерального значения с момента вхождения в состав РФ позволяет выделить несколько основных тенденций. Во-первых, происходит постепенное омоложение правительственного кабинета. Во-вторых, увеличивается число кадров из других регионов, особенно из центральных. В-третьих, основным бассейном рекрутирования правительственных чиновников Севастополя становятся органы исполнительной власти регионального и федерального уровня (иногда муниципалитетов) и в гораздо меньшей степени органы представительной власти. Эти тенденции находят выражение и в профессионализации административной элиты региона, что можно проследить по увеличению числа чиновников с профильным образованием.

Одновременно с усилением власти федерального центра и прочими закономерностями рекрутирования в региональной элите прослеживаются тенденции к укоренности отдельных властных групп, появлению противоречивых симбиозов современных и архаичных институциональных форм. Одно из проявлений этого процесса раскрывает в своем докладе *Наталья Владимировна Колесник* (Социологический институт РАН), рассматривая примеры наследственной передачи власти, политического (а также экономического и пр.) капитала в российской региональной элите. Пытаясь концептуализировать этот феномен, докладчик использует понятие «политической семьи». В эмпирической части исследования проводится анализ биографий двух контрастирующих по своей политической культуре регионов — Республики Дагестан и города федерального значения Санкт-Петербурга. На этой основе выделяются и сравниваются структуры родственных связей, функционирующие в данных региональных элитах.

Другое проявление, сопряженное с деполитизацией и плутократизацией законодательных органов власти в субъектах РФ, обнаруживает в ходе анализа биографий некоторых представителей региональной политической элиты *Александр Владимирович Дука* (Социологический институт РАН). Так, отдельные члены региональных легислатур оказываются способны сохранять и передавать «по наследству» свой социальный, символический и экономический капиталы, успешно конвертируя их в политический. Этим представителям региональной элиты докладчик предлагает называть «нотаблями» с определенными оговорками. Наиболее значимой из них является оправдание присутствия в современности премодернового (согласно аргументации Р. Даля) социального явления. Такая инволюция, по словам докладчика, вызвана уменьшением профессионализации политической элиты, которую традиционно связывают с модернизацией (М. Вебер) и отдифференциацией политической сферы (Н. Луман), что приводит к политизации других сфер, особенно экономической. В этом смысле термин «нотабли» может быть применим лишь отчасти, так как обозначаемое им явление симбиотично: подразумевает одновременную работу современных и премодерновых институтов.

Агенты перераспределения власти

Та конфигурация власти, которая складывается под действием описанных в предыдущих докладах тенденций, оставляет как внутри-, так и внеэлитные группы без возможности оказывать влияние на принятие решений. В этом смысле основными агентами перераспределения власти являются интеллектуалы, оппозиционные политические движения в крупных мегаполисах, а также бизнес и легислатуры в малых и средних городах.

В первую очередь следует рассмотреть проблему отношений интеллектуалов и власти. Как показал в своем докладе *Владимир Александрович Гуторов* (СПбГУ), теоретическая дискуссия о роли интеллектуалов получила широкое развитие во второй половине XX в. Она сводилась к двум основным парадигмам, где интеллектуалы, с одной стороны, рассматривались как совокупность мыслящих людей, «моральный престиж» которых позволяет им осуществлять критику власти в публичном пространстве, а с другой — как «новая элита», выражающая «медиакратические претензии». Дальнейшая концептуализация роли интеллектуалов производит синтез положений двух перечисленных парадигм. Докладчик указывает, что интеллектуалы начинают пониматься как «культурный нобилитет», символы «классового» статуса которого сильно сопряжены с институциональной зависимостью от властной элиты, в то время как с угнетенными

группами граждан их связь является хрупкой и неустойчивой. Такая угроза представляется существенной, особенно на фоне слабой роли интеллектуалов в координации городского и регионального управления по наиболее острым социальным вопросам, например по работе с мигрантами. Как раз такую рассредоточенность ответственности между отдельными структурами правительства Санкт-Петербурга в проведении миграционной политики отмечает *Валерий Алексеевич Ачкасов* (СПбГУ). Так, при большом количестве профильных департаментов усложняется согласование административных решений в вопросах социальной адаптации мигрантов. В этом связи, по словам докладчика, требуется налаживание связи с научными и экспертными организациями, что позволит выделить управленческую структуру, которая бы осуществляла координацию миграционной политики в целом.

Возможности других агентов перераспределения власти рассматривает *Юрий Александрович Пустовойт* (Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС) на примере конфликта между властными группами Новосибирска и оппозирующими им политическими силами в контексте выборов мэра столицы Новосибирской области в 2019 г. Для выделения структуры участников этого противостояния докладчик предлагает задействовать термин «контрэлита». Используя переменные, которые предлагает К. Стоун для определения «городского режима», исследователь называет «контрэлитой» политическую силу с альтернативной повесткой и со способностью привлечь ресурсно обеспеченных субъектов. В этой связи он выделяет «системную» и «несистемную» оппозицию в Новосибирске, где первая имеет доступ к требуемым ресурсам, но при этом сохраняет повестку, транслируемую властной элитой; в свою очередь, вторая группа не имеет достаточного объема ресурсов, предлагает новую повестку. В этом смысле, заключает докладчик, нет достаточных оснований для появления «контрэлиты», способной инициировать перераспределение власти, особенно в условиях договоренности региональной и городской политических элит.

Переходя к внутриэлитным группам, стремящимся изменить существующую систему распределения власти, следует рассмотреть формы участия бизнеса в городской политике в России. На примере нескольких промышленных городов *Татьяна Борисовна Витковская* (Пермский научный центр Уральского отделения РАН) выделяет три основные модели такой активности крупных предприятий. Первой является «средняя степень включенности», когда предприятия (зачастую два и более) представлены в публичной политике города либо через главу местного самоуправления, либо посредством депутатского корпуса. Второй выступает сильная

степень включенности, подразумевающая контроль предприятия (в данном случае одного) над процессом принятия решений без участия в публичной политике города посредством широкой представленности в муниципальных органах власти. Наконец, третьей является слабая степень включенности, когда менеджмент крупного предприятия не проявляет интерес к локальной политике. При этом сохраняет высокий потенциал влияния на политическую ситуацию в городе, а в некоторых случаях может осуществлять контроль посредством взаимодействия с региональной властной элитой.

Наконец, последними агентами перераспределения власти среди представленных в докладах участников научного семинара являются депутаты малых и средних городов России. Потенциал их автономии от глав муниципальных образований на примере малых и средних городов Свердловской области изучил *Петр Вячеславович Панов* (Пермский научный центр Уральского отделения РАН). Такая автономия, по мнению докладчика, оказывается возможной благодаря участию в процессе принятия решений других влиятельных акторов, помимо главы города, особенно представителей бизнеса. Реализация политического потенциала законодательных органов через включенность этих «влиятельных акторов» имеет определенную вариативность. Так, в моногородах автономия представительных органов местного самоуправления от главы города связана с активностью градообразующего предприятия. В непромышленных городах — с активностью малого и среднего бизнеса.

* * *

Как можно заключить, в прошедшем научном семинаре среди докладов, развивающих традиционные для российской элитологии темы, появляются и те, что предлагают «новые подходы» к исследованию элит. Причем новизна этих исследований проявляется как в разработке альтернативного измерения элит, так и в обнаружении феноменов, за которыми скрываются ранее не описанные тенденции. Обобщая представленные доклады, можно также сделать несколько выводов о современной российской элите, к которым приходят и сами докладчики с разных исследовательских позиций. В первую очередь речь идет об усилении власти федерального центра и роли административных структур, что относится в основном к региональным элитам, но при этом концентрация власти характерна и для федеральных административных органов. Другим значимым выводом является слабая представленность интеллигенции во власти, что, как представляется, имеет связь и с уменьшением роли ученых и экспертов в принятии управленческих решений по поводу острых соци-

альных проблем. Также обращает на себя внимание тенденция к деполитизации властных групп, связанной с их плутократизацией и уменьшением профессионализации. Одновременно с этим происходит политизация дискурса власти и общества. Конкретные высказывания не только лингвистически обыгрываются в социальных медиа, но и углубляют существующий раскол между ценностно-символическими ориентациями элиты и граждан. Еще одним важным выводом можно назвать востребованность лидерства в местной политической элите, несмотря на его ограничения, особенно по отношению к «новым гражданским лидерам». Наконец, исследователям удастся обнаружить новые формы передачи и сохранения политического капитала в региональных элитах. Несмотря на свое сходство с архаическими структурами власти, эти связи успешно встраиваются в уже сложившийся порядок властных групп.

Литература

Афанасьев М.Н. (2000) *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд.

Дука А. (2009) «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность. *Россия и современный мир*, 1: 136–153.

Дука А.В. (2019) Произвол и трансгрессия в деятельности элит. Соловьев А.И., Пушкарева Г.В. (ред.) *Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития*. М.: Аспект Пресс: 42–55.

Мохов В.П. (2007) *Введение в элитологию российского общества*. Пермь: ПНИПУ.

Мохов В.П. (ред.) (2002) *Элиты как руководящая и направляющая сила индустриального общества. Материалы конференции «Элитизм в России: “за” и “против”» (февраль-май 2002 г.)* [http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=37&pod3_id=88#_edn14] (дата обращения: 15.06.2020).

Дука А.В. (ред.) (1999) *Региональные элиты России: проблемы, подходы, гипотезы: программа исследования*. СПб.: СПбФ ИС РАН.

Соловьев А.И. (2019) Государство, элиты и инновации: противоречия поля политики. *Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира*. Т. 1. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС: 19–30.

Parry G. (1969) *Political Elites*. L.: George Allen & Unwin.

Field G.L., Higley J. (1980) *Elitism*. L.; Boston: Routledge; Kegan Paul.

TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN ELITES: NEW APPROACHES AND INTERPRETATIONS

Andrey Shvaya

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Shvaya A. (2020) Tendentsii v transformatsii rossiyskikh elit: novyye podkhody i interpretatsii [Trends in the transformation of Russian elites: new approaches and interpretations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(5): 225–238 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.9>

Abstract. The Eighteenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Conditions of Russian Transformation”, organized by the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences with the participation of the Russian Association of Political Science, was held in St. Petersburg on October 24-26, 2019. The presented reports were addressed both to general topics in the study of elites (recruiting issues, relations between federal and regional power groups, power dispositions of local elites, etc.), and to more specific problems that are poorly embedded in the established range of issues of modern Russian elite studies.